

Елена Севостьянова

Миниатюрные монофоны

Ростов-на-Дону
2012

Севостьянова Е.

Миниатюрные монофоны. Сборник стихов и рассказов /
Е. Севостьянова; Художник О. Боева —
Ростов-на-Дону, 2012. — 20 с.

В своей первой книге автор, филолог по образованию, попробовала себя в новом эксперименте со словами, и у нее получились миниатюрные рассказы и стихи — монофоны, своеобразная антология алфавита.

Пусть всё порой бывает сложно,
Различные препятствия в пути,
Иди вперёд, ведь с верой всё возможно:
Встать, коль упал, расправить плечи и идти!
Едва маячит свет в конце тоннеля,
Трудна дорога, хоть бы отдохнуть...
Сбежит зима, придёт тепло апреля!
Ты только верь и продолжай свой путь!
Вперёд, только вперёд! Побольше оптимизма,
Улыбок, смеха, солнца и добра!
Юмст би хэппи! Через эту призму
Всегда смотри на мир! Всегда с утра,
С кровати встав, скажи себе и миру:
«**Е**щё один чудесный день! Он мой!»
Хочу я пожелать удачи! Лиру
Я так настрою, чтоб она покой,
Любовь и радость людям приносила!
Ещё мне вот что хочется сказать:
Не вешать нос! Ведь в оптимизме сила!
А ну-ка никому не горевать!

Елена Севостьянова

Встреча

Августовские ассоциации

Август. Аромат абхазских апельсинов, айва, алыча, алеющая антоновка... Ах!

Агитируешь администрацию активировать аванс — айда авто-стопом, адрес — Азовское! Алкоголь, авантюры... Ага!

Администрация аргументирует: август, аврал, апогей ажиота-жа. Альтернатива Азовскому — авторучка, анкетирование авто-мобилистов, автоматизация автопроизводства.

Античеловечная агрессия, ад!

Абстрагируешься. Август, август...

Безбрежная боль Бориса

Берег был безграничен. Борис беспокоился больше, больше. Брал большие булыжники, бросал, будто бы булыжники были безобидной безделицей. Бесновался, бессильный.

Безмерная боль бредила Бориса. Брат Бориса беспробудно беспутствовал, буянил, беззаботно болтался, бездельничая. Бороться было бесполезно.

Борис боялся: брат будет бомжевать, бродяжничать, босяк без будущего. «Боже, будь милостив», — бился Борис.

Берег безмолвствовал.

Ветреным весенним вечером Виталий Васильевич вышагивал вдоль витрин, выставяющих вазы, вина, всякие весёленькие вещицы, выглядывая восьмизатку. Виталия влекла возлюбленная Василиса Владимировна.

В восемнадцатом Виталий Васильевич вынужденно выехал в Волгоград — всему виной война, всполошившая всё вокруг. Вчерашним вечером Виталий вернулся. «Вспомнит Василиса?» — вздыхал Виталий.

Вот восьмизатка. Возле восьмизатки возня. Водитель «Волги» Вазген, выделывая виражи, врезался в витрину. «Вражина! — Возмущённо восклицали все вокруг. — Всегда выпивши водит! Варвар!»

Виталий Васильевич вздохнул, вошёл внутрь.

— Вечно все входят-выходят, — ворчала Верочка, вахтёр. — Вертеп!

— Вас вообще воспитывали? — возмутился Виталий Васильевич. — Выражайтесь вежливее.

— Всё, всё, виновата... — взвизгнула Верочка. — Вы в...

— В восемьдесят вторую.

Вот Виталий Васильевич возле восемьдесят второй.

— Виталик? — вопросительно взглянула Василиса Владимировна. — Вернулся! Войдёшь?

— Васенька, выглядишь восхитительно!

— Возмужал-то! Время, время...

Влюблённые воссоединились. Война, время — всему возможно воспротивиться вместе.

Верность, взаимность — вот важное, вечное.

Вдумайтесь. Верьте.

Город

Город гудел, грезил грядущим. Горизонт горел гранатом. Где-то гремел гром.

Горожане гуляли группами, гомонили. Голодные грязные голуби гнули гибкие головки, глядели: где глотнуть горбушки?

Гламурные гейши гипнотизировали глупцов глянцем, говоря: «Глоток гибельного греха головокружителен. Готовьте гроши, господа!»

Горбун громко голосил: «Гоните грех, гордецы горемычные! Господь грядёт!».

Грозный громила громоподобным голосом гаркнул: «Грохну, гад! Гуляй!».

«Господь грядёт, греховодники!» — горланил горбун громче, горячее.

Гром грохотал.

Город гудел.

Долгие думы

Даже десятой долей дня дорожить.

Дрожать, держа дорогую длань.

Дурацкие длинные думы душить.

Долой детство, долг, дружбе дань!

Давай дымным дурманом,

дождём дышать.

Давай до дома, до дверей?

Давай друг другу души доверять.

Давай: дело, двое дочерей...

Ёж Емеля

Ежевику ёж Емеля

Ел, елозя еле-еле.

«Есть ежовая еда?»

Ежевика — ерунда!»

Ель ершилась: «Ё - моё!

Есть естественно её!»

«Ежевика, ей-ей, ёрш!»

— Ё жился Емеля-ёрш.

Жизнь жестока...

Жара жгла живьём. Жалила жгучая жажда.

Жмурясь, Женя жахнул «Жигулёвского». Женя ждал Жанну. Жанна, журналистка женского журнала «Жеманница», жаждала живописной жизни: железное жалованье, жемчуга, жёлтые жаке-ты, жирное жаркое... Женщины, женщины!

Жанна жила женитьбой. Женя желал Жанну, жениться же — жуть! Жанна жухла, жалела, ждала.

Жестоко? Жизнь жестока...

Заколдованный зал

Здешний затхлый запах заставляет задыхаться. Забываешь, зачем здесь. Завороженный, заходишь за запретный занавес. Зал, закрытый занавесом, залит золотом заката. Замираешь, заколдованный. Зал заглушает зародыш здравомыслия, засасывает. Заподозрив злое, замечаешь: затвор заперт.

Заслужил: запрещённое — запрещено.

Идеал

Игорь излагал интересно, искромётно импровизировал, искусно интонировал. Истории Игоря интриговали, идеи изумляли.

Инстинктивно избегая интимности, игр и избитых идиом, Игорь излучал ионы искренности.

Институтки извлекали из историй Игоря извечные истины, идеализировали Игоря, изнывали — интеллигентный, импозантный, Игорь импонировал им.

Иногда индекс интеллекта изумлял иных индивидуумов. Игорь иронизировал.

Исключительная индивидуальность!

Катя

Катя — как картина кисти Куинджи — кристальна, как капля, красива, как конфетка. Культурна, как королева, красноречива, когда касается клятв, катастрофически категорична.

Когда Катя колыхнёт кудрями, как крылом, кавалеры, краснея, коленопреклоняются. Колдуя калейдоскопом красок, Катя касается каждой клеточки круговоротом конвульсий.

Когда Катя критически качает кудряшками, кроша конкурентов, как кувалдой, конкуренты, как контуженные, корчатся, конфузятся.

Канонизируйте Катю!

Лирика

Лёша лежал, лениво лакая ледяной ликёр. Лейла листала Лермонтова. Лейла любила лирику. Лёша любил Лейлу.

— Лёш... — ласкалась Лейла.

Лёша ломался.

— Лёш... Любимый...

— Ладно.

*Люблю ласкать любимую ладонь,
Люблю лежать, лениво лепеча,
Лобзать, лелеять, ласточкой летя,
Любовной лихорадкой лёгкой литься...*

Лейла ликовала.

Мужчины мельчают?

Модные мелодрамы мутили Марине мозг. Марине маниакально мерещилась молодая мадемуазель, морочащая мужа Марины.

Муж Марины Миша, молодой менеджер, мысленно матерясь, молчал.

Мобильник мужа магнитом манил Марину. Мелодия мобильного Миши? Марина метеором мчится, метая молнии: может, молоденькая мерзавка мешается?

Миша мрачно мирится, мучаясь, мысленно мечтает мешануть Марине мышьяка. Может, Миша — марионетка Марины, мямля? Может.

Мораль: мужчины мельчают.

Меняйтесь, милые мои мальчики!

Небо над Невой

Нарисую ночное небо,
Наклонившееся над Невой.
Набросаю небрежно небыль,
Нанесённую нежной нугой.
Нарисую намёк наподобие
Ненавистного некогда нам:
Недалёкой надежды надгробие
Надломилось напополам.
Натерпелись недаром, несчастные,
Но нашла нас наша награда:
Наши нежные ночи нечастые.
Ненавижу неправду, но надо.

Отзвуки осени

Олег отрешённо оглядывался, ожидая Ольгу. Обычно она опаздывала. Осматривая окрестные окошки, Олег ощущал отвратительное остервенение.

Одно из окон открылось, оттуда Олега окликнули. Осторожная особа озабочена, отчего Олег околачивается около окон. «Ой, отцепись», — отмахнулся Олег. Ощущая озноб, он откашлялся, отошёл от окошка.

Ольга освободилась около одиннадцати. Она обняла Олега, он оттолкнул Ольгу. Она ошарашенно отшатнулась.

— Опять опоздала!

— Отчёт оформляла, — оправдывалась Ольга.

— Отчёт?! — отрывисто отчитывал Ольгу Олег. — Обнагела! Одна останешься!

Однако Олег очень отходчивый. Он отдышался. Острая обида отпустила Олега. Он обнял обожаемую Ольгу, осторожно отряхнул от опавшего орешника.

Осень отдавалась отзвуками, оставляя ощущение одиночества. Однако оптимизм определённо окрыляет, освобождает от опустошения.

Одолжите оптимизма...

Поход

Перед походом путешественники приготавливали припасы: печёнка, печенье, помидоры, пиво. Путь предстоял путанный: покорить пески пустыни.

Попрощавшись, путники пошли прочь: пора. Побродив полдня, пройдя полдороги, путешественники притомились, присели.

Полыхало полуденное пекло. Подкрепившись, попив пива, путешественники продолжили путь. Панорама поражала: пески переливались, приветствуя путников поблёскиванием. Пекло порядком поднадоело.

Путешественники, потные, полумёртвые, проклинали поход. Пошатываясь, путники преодолевали преграды, представляли постель, прохладу, поклявшись после путешествия прекратить пешие прогулки по песку. После полуторачасового похода по пустыне путникам поплохело. Подыскав подходящий повод, путешественники позвонили приятелю по прозвищу Петька, попросили приехать.

Поняв первоначальную причину, приятель примчался пулей, подставил путникам плечо, предоставил приют.

По прибытии путешественники поели, приняли по пол-литра, понуро побрели по постелям.

Приятель, пододвинув поближе подушку, прилёг перед плазмой, полистал программу передач. Пощёлкав, Петька положил пульт, пошёл покурить. «Пропади пропадом проклятые походы, — подумал парень. — Пойду посплю».

Приближалась полночь. Пески пустыни перешёптывались, пророча путникам путешествие, полное проблем.

Пусть попробуют побороться...

Размышления Руслана

Руслан рассеянно размышлял: разве революция расшевелит русских?

Русские разволновались: Россия разваливается, разлагается разум россиян, разливаются реки разврата. Репортёры разжигают рознь, раскачивают рессоры резонанса. Расходы рекордно растут, регламент рынка разрушен.

Разве революция — решение? Разве революция реабилитирует репутацию России? Рассказы реакционеров! Рациональный рецепт развития России — решительные реформы разумного руководства, рост рубля.

Руслан разыскал рюмку, раскупорил ром, расслабленно развалился. Рядом расположился ротвейлер Руслана Рокки — редкостный разгильдяй.

Раздался резкий рёв рупора, рокот ружей. Рокки разом разнервничался, рыча.

— Рокки, — рассмеялся Руслан, — расслабься, размазня! Ребята развлекаются.

Расстегнув рубашку, ремень, Руслан разделся, раскрыл роман Распутина. Разомлев, Руслан раскинул руки, расслабился.

Разливался румяный рассвет.

Сашина суббота

Саша сидит с сигаретой, слегка сутулясь. Солнце светит сквозь ставни, слепит. Саша скучает, слушает «Сплин», сонно смотрит сериал. Сварив себе свежий «Старбакс» со сливками, Саша спокойно сидит, сочиняет стихи. Скрипят старые ступеньки. Скулит собака. Собрав сумку, Саша со своим сотоварищем Стольным спешит смотреть стройматериалы. Сосновая струганная столярка стоит сверхдорого: со студенческой стипендией соизмерить сложно.

Саша сомневается: сможем сегодня скупиться, сразу? Стольный смеётся: «Сможем, сможем!». Саша, скрепя сердце, соглашается: скромна стипендия современного студента. Саша со Стольным, старательно сложив столярку, сели.

— Стопочку сорокоградусной? — спросил Стольный. Саша скривилась.

— Саке, сидр, сивуха?

— Саке, — согласилась Саша.

Спустя секунд сорок семь стаканы стояли сухие. Справившись с саке, сотоварищи, сонные, стали стелиться. Спать. Славная суббота!

Тихая тоска

Так тревожно. Терзания, точно туман.

Тихо-тихо трясусь, телефон беребя.

Ты — темница, тюрьма, ты — типичный тиран!

Только требует тело, тоскуя, тебя.

Тихий, точно таящий тайфун — ты такой.

Тяжело твой такой темперамент терпеть,

То тупеть, то томиться тягучей тоской,

Тусклой тенью темнея, тихонечко тлеть.

Удивительная Уля

Уля устало улеглась, убаюканная улыбкой утра. Уютно устроившись, Уля успокоилась.

Учёба уже успела утомить Улю. Угрюмые учителя убеждали учить уроки, угрожая удовлетворительной успеваемостью. Училась Уля успешно, увлекалась урбанизмом, удивительно умело управляла УАЗиком.

Уравновешенная, упорная, умная, Уля устраняла устаревшие, укоренившиеся условности.

Уступки? Увольте, Уля упряма.

Усталость ушла, Уля уснула.

Удачи Уле!

Фальшивомонетчик Федя

Фальшивомонетчик Федя Фокин фетишизировал финансы. Фантазировал: фешенебельная фазенда, фирма, фонтанирующая финансами. Фёдор фальсифицировал факты, фиглярствовал, фокусничал.

Фатальное фиаско: филёры фибрами фиксировали флюиды фальшивомонетчика Феди!

— Фашисты, фуфлыжники! — фордыбачил Федя.

— Фигурант Фокин, фривольно формулируете, — флегматично фыркали филёры. — Фу!

Фееричная фабула!

Хирург Хлебников

Хирург Хлебников хладнокровен. Холуй хаяли характер Хлебникова: хам, халтурщик, ханжа, хамелеон. Хохмачи хвалили: хваткий хлопец, хозяйственный холостяк, хороший хирург.

Хмурясь, Хлебников хмыкал, хохлился: «Хохочите, хохочите! Хотите хозяйничать, холопы? Храбрости хватит, хлюпики? Хрен!»

Холл ходил ходуном.

Храни, Христос, Хлебникова!

Цыган

Царевна цитировала Цидерона, ценила цветы, церемонии.

Цыган цокнул: «Цаца целомудренная!» Цапнул царевну, целил целовать.

Царевна цепенела, царапалась, <цензура>.

Царь — центрифугой цепь Цербера. Цыгана — целиком центнером цемента.

Центр цивилизации...

Чтение чревато

Часто чёркаю черновик, часами читаю Чехова.

Чашка чёрного чая чарует. Часы чеканят четверть четвёртого. Чудятся чужеземные чудовища.

Чур, чур! Чувствуя, что чрезмерное чтение чревато — чокнусь, чешу череп, чертыхаясь.

Чересчур чувствительна...

Шпиц Шарик

Шайка шалопаев шумела: шустрый шпиц Шарик шаловливо шелестел шлейфом шляпки. Шерсть шпица — шоколадная шелковистая шевелюра — шикарна.

Школьники шептались, шушукались.

Шестимесячный Шарик шмякнулся, шагая шаткими шажками. «Шкода!» — шутили школьники.

Широкая шея шпица шокирующее шедевральна!

Щенок

Щербатый щенок, щурясь, щемил щегла. Щавель щекотал щёчки щенка.

Щупленький щегол щепетильно щипал щавель.

Щенок щетинился. Щегол щёлкал, щукой щипался. Щенок щерился. Щегол щебетал, щавель — щит.

Щербатый щенок щедро щадит щегла: щегол щебечет.

Экспериментаторы

Эти эксперименты — это экстрим!

Электричество, эксплуатационные экспертизы, экспромты...

Эти эскимосы экономят энергию!

Эх, энтузиасты эмигрировали, эпикурейцы!

Эпизодически эксперименты эпохальны, эпизодически эффект эфемерен.

Эталон экспериментов — эскалация эксплуатации элементов.

Юношество

Юля, юный юрист, юлила: юбилей Юры, юмориста-южанина!

Юра ювелирно юморил, юродствуя.

Юля — юла: юрк, юрк!

Юрисдикция Юры — юбка Юли.

Юность, юность!..

Ядовитый якорь

Явился ядовитым яблоком,
Ярусовидной ямой ярдовой,
Ярмом явился, ярым якорем,
Язык — язвящий яд ямбический.
Як ястреб яростный, явился я.
Я янтаря яснее ясного.

Акростих

А помнишь ли, мой верный друг, мой брат,
Былые времена, когда мы были рядом?
Вот если б взять да и вернуть назад
Года, которые тогда казались адом...
Давай попробуем ещё хотя бы раз,
Ещё хоть раз поговорим открыто?
Жизнь ведь всегда даёт тебе последний шанс...
Забудем то, что быть должно забыто,
И снова будем так близки, как были прежде?
Как будто не было всех этих мерзких ссор?
Лишь только дружба может дать надежду.
Мы разве были счастливы с тех пор?
Не станем вспоминать обиды прошлых лет.
Оставим позади ненужные вопросы,
Пустые споры. Их как будто не было и нет.
Разрушим все преграды. Вытрем слёзы.
С тобой легко, приятно и тепло.
Ты, словно лучик света в царстве тёмном.
У прочим дружбу всем врагам назло,
Фундаментом, как целый мир, огромным.
Хочу тебе сказать, что я тебя
Ценю, как больше никого другого,
Что, даже иногда слегка грубя,
Шучу, что не ценю. Честное слово!
Щедроты жизни — эта наша дружба.
Эх, если бы найти обратный путь...
Юлой вертеться буду, если нужно!
Я так хочу обратно всё вернуть!

Содержание

<i>Августовские ассоциации</i>	6
<i>Безбрежная боль Бориса</i>	6
<i>Встреча</i>	7
<i>Город</i>	8
<i>Долгие думы</i>	8
<i>Ёж Емеля</i>	9
<i>Жизнь жестока...</i>	9
<i>Заколдованный зал</i>	9
<i>Идеал</i>	10
<i>Катя</i>	10
<i>Лирика</i>	11
<i>Мужчины мельчают?</i>	11
<i>Небо над Невой</i>	12
<i>Отзвуки осени</i>	12
<i>Поход</i>	13
<i>Размышления Руслана</i>	14
<i>Сашишина суббота</i>	15
<i>Тихая тоска</i>	15
<i>Удивительная Уля</i>	16
<i>Фальшивомонетчик Федя</i>	16
<i>Хирург Хлебников</i>	17
<i>Цыган</i>	17
<i>Чтение чревато</i>	17
<i>Шпиц Шарик</i>	18
<i>Щенок</i>	18
<i>Юношество</i>	19
<i>Ядовитый якорь</i>	19
<i>Акростих</i>	20

Елена Севостьянова
МИНИАТЮРНЫЕ МОНОФОНЫ

Ольга Боева, художественный редактор
Екатерина Ищенко, верстка

Формат 297х210
Гарнитура «Академия»
Печать принтерная
Тираж ограничен

